

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

**Об одном из способов создания
дневникового текста: «Синяя книга» З. Н. Гиппиус
и «Дневник» Д. В. Filosofova**

Материалом для данного исследования послужил текст интереснейшего документа эпохи — «Синей книги» (1914—1917). Это первая часть Петербургских дневников З. Гиппиус. Известно, что они охватывают период 1914—1919 гг. Выбор для данного исследования периода 1917 г. (именно «Синей книги») обусловлен рядом обстоятельств: дневниковый материал 1917 г. посвящен острейшему этапу истории — слову государственного устройства России в виде двух происшедших революций; именно этот период связан с фактом некоей причастности к создаваемому тексту единомышленника и друга семьи Мережковских — Д. Filosofova.

Об отношениях Мережковский — Гиппиус — Filosofov написано немало, опубликована их переписка интимного характера, свидетельствующая о непростых отношениях внутри этого религиозного эксперимента.

«Дневник» Д. В. Filosofova, который он вел с 11 сентября 1917 г. по 19 января 1918 г. и который хранится в отделе Рукописей Российской национальной библиотеки, также свидетельствует о его отношении к войне и революции 1917 г. Не случайно он велся лишь на протяжении почти года. Однако позиция Filosofova-автора дневника и Filosofova-публициста оказалась несколько различной. После февральской революции его публичные выступления характеризовались наибольшим оптимизмом, чем дневниковые записи: «Сегодня праздник В о с к р е с е н и я русского народа»¹, «Много настоящих “буржуев” прикрывают страх за свои животышки страхом за “культурные ценности”. По совести надо сказать, что культурные и патриотические “страхи” людей маловерных куда более опасны, нежели “фанатизм” “Правды”², — было написано им в марте 1917 года. Духовная общность З. Гиппиус, Д. Мережковского и Д. Filosofova — особая страница русской культуры XX в., имевшая продолжение в эмиграции.

Итак, мы поставили перед собой определенную задачу сравнить рукописи двух близких по духу писателей — Зинаиды Гиппиус и Дмит-

рия Философова — в одно и то же время описавших свою эпоху в виде каждодневных записей.

Причины, побудившие З. Гиппиус вести Петербургский дневник были очень серьезны: это не регистрация, не констатация фактов эпохи 1914—1919 гг., а взгляд зрелой писательницы на ситуацию краха, которую переживает Россия. В 1920-е гг. Петербургский дневник писательницы получил всемирную известность как документ эпохи, увиденной глазами очевидца. В «Предупреждении» к своей «Современной записи — I»³ писательница отмечает, что мы «слишком отединены от Европы, от всего мира. Если мне удастся приподнять хоть край завесы над нашей действительностью — я сочту себя удовлетворенной»⁴.

Факт причастности Философова к художественной деятельности Гиппиус в момент создания Петербургского дневника, связан со сбором, описанием и, отчасти оценкой русской революции 1917 г. и заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. В фондах Российской национальной библиотеки сохранились некоторые рукописи Петербургских дневников З. Гиппиус⁵ и «Дневник» Д. Философова⁶ периода 1917 г. Рукописный материал обоих писателей позволяет провести сопоставительное исследование с целью выявления степени взаимосвязи и взаимозависимости этих текстов и некоторые принципы индивидуального творческого начала в дневниках Гиппиус.

Чем вызвана необходимость параллельной записи по дням в 1917 г. на страницах дневников З. Гиппиус и Д. Философова — до конца нам неизвестна. Тем не менее перед нами факт: наличие параллельных дневниковых текстов, посвященных практически одним и тем же событиям, сообщениям, персонажам. «Дневники» Д. Философова не были при жизни изданы, они остались личными записями, вполне возможно допустить, что он делал заготовки для З. Гиппиус, которая уже к тому времени более трех лет создавала свой текст Петербургского дневника (в рукописном отделе РНБ он идет под названием «Современная записи», с пометой рукой писательницы «для заграничного издания»⁷, возможно, писательница изначально планировала их публикацию за границей).

При рассмотрении записей дневников мы пользовались текстологической методикой сравнительного анализа текстов по такой схеме:

- сверка совпадений (полных, частичных). Подчас границы полных и частичных совпадений размыты;

- сверка разночтений (принципиальных, дающих различия в интерпретации фактов; непринципиальных, количественных, отличающихся степенью подробности в раскрытии обстоятельств);
- анализ расхождений в выборе объектов и субъектов текста, в субъективной оценке исторических персонажей.

Если обратиться к структуре рукописей, отражающих полные или частичные совпадения, то здесь можно отметить следующие закономерности:

3. Гиппиус вводит в свой текст реплики, слова, стилевые обороты, насыщающие нейтральный текст Д. Философова. Например, там где Философов лишь сообщает о факте приема крупных политических деятелей во Французском посольстве (24 февраля 1917 г.), Гиппиус вводит развернутую реплику — оценку излагаемого факта и дает характеристику русским политикам, например:

3. Гиппиус

В тот день, в вестибюле Европ. гостиницы, Палеолог отозвал Petit в сторону и сообщил, что в виду желания Doumergu'a видеть Гучкова, Милюкова etc., он их всех приглашает в посольство завтракать. Завтрак состоялся. Был и Поливанов. Беседа была откровенная.

(Я вставляю: совсем как «во всех Европах». И послы и «крупные политические деятели»... Ну, послам и Бог велел не понимать, что они не в Европах, а эти-то! наши-то! Доморощенные-то слепцы! Туда-же не понимают ничего!)⁸.

Д. Философов

В тот же день, в вестибюле Европейской гостиницы, Палеолог отозвал Petit в сторону и сообщил, что в виду желания Doumergue'a видеть Гучкова, Милюкова etc., он их всех приглашит в посольство на завтрак. Завтрак состоялся. Был и Поливанов. Беседа была откровенная.

В текст 3. Гиппиус активно вводятся обобщающие элементы — оценки, высказывания. Например, в записи от 26 февраля, рассказывая о том, как «шальная пуля убила студента, покупавшего билет у барышника», 3. Гиппиус добавляет: «Историческая картина!»:

28 Февраля 1917 г.

«Известия» Сов. Раб. Депутатов: он заявляет, что заседает в Таврич. Дворце, выбрал «районных комиссаров», призывает бороться «за полное устранение стар. пр-ва и за созыв Учр. Собрании на основе всеобщего, тайного»... и т. д.

Все это хорошо и решительно, а вот далее идут «воззвания», от которых так и ударило затхлостью, двенадцатилетнею давностью, точно эти бумажки с 1905 года пролежали в сыром подвале (так, ведь, оно и есть, а новеньких и не успели написать, да не хватит их, писак этих, одних, на новенькие).

19 Марта 1917 г.

Сначала шли «женщины». Несметное количество; шествие невиданное (никогда в истории, думаю). Три очень красиво ехали на конях. Вера Фигнер — в открытом автомобиле. Женская и цепь вокруг. На углу образовался затор, ибо шли по Потемкинской войска. Женщины кричали войскам — «ура».

28 февраля 1917 г.

Совет заявляет, что он заседает в Думе, выбрал «районных комиссаров» и призывает общими силами бороться «За полное устранение старого правительства и созыв Учредительно-гособрания на основе всеобщего и т. д.».

Затем идут воззвания от имени С. Д. и С. Р.

19 марта 1917 г.

Сначала шли женщины. В автомобиле Шишкина-Явейн и как будто Вера Фигнер. Несметное количество женщин! Десятки тысяч! На углу Потемкинской вышел затор. В это время начали подходить войска. Масса войск. Они завернули по Потемкинской направо, очевидно намереваясь подойти к Думе с другой стороны. Женщины все время кричали войскам «ура!».

Оценка, в виде лексико-стилистических изменений:

1 Марта 1917 г.

Была мысль позвать Горького в Совет, чтобы образумить рабочих. Но Горький в плену у своих Гиммеров и Тихоновых.

1 марта 1917 г.

Была мысль позвать в Совет [Горького], чтобы образумить рабочих. Но Горький в плену у Тихонова и Гиммера.

Вот и наставил пулеметов. А жандармы по сю пору защищают уже не существующий «старый режим».

Все эти пулеметы на крышах казенных зданий были заготовлены, очевидно, давно, плохо ин-формированные жандармы и полицейские продолжают героически защищать старый режим, уже не существующий.

Гиппиус вводит достаточно подробные описания быта, картин эпохи; детали, которые способствуют более тщательной прорисовке образов:

28 Февраля 1917 г.

Тут-же явился Боря Бугаев [Андрей Белый] из Царского, огорошенный всей этой картиной уже на вокзале (в Царском ничего, слухи, но стоят себе городовые).

С вокзала к нам Боря полз 5 часов. Пулеметы со всех крыш. Раз три он прятался, ложился в снег, за какие-то заборы (даже на Кировочной), путаясь в шубе.

28 февраля 1917 г.

Вкатился из Царского Боря Бугаев [Андрей Белый]. Пять часов шел с вокзала к нам. Пулеметов на крышах много.

В тексте дневника З.Гиппиус явно видна тенденция к прорисовке персонажей, в отличие от Философова она не только дает фамилии и конкретные факты, но вводит описания эмоционального состояния: «в экстазе», «потерял весь свой индивидуализм», характерные жесты: «хлопая себя по бедрам» и др.:

28 Февраля 1917 г.

Оказывается, пулемет и на нашей крыше, и на доме напротив, да и все ближайшие к нам (к Думе) дома в пулеметах. Их еще с 14 Протопопов наставил на всех высотах, даже на церквах (на соборе Спаса Преображения тоже).

Пришел Карташев, тоже в волнении и уже в экстазе (теперь не «балет»!).

— Сам видел, собственными глазами, Питиримку повезли! Питиримку взяли и в Думу солдаты везут!

1 Марта 1917 г.

В 11 часов. Телефон от Petit. Был в Думе. Полный хаос. Родзянко и к нему (наверно, тоже хлопая себя по бедрам): «Voilà m-г Petit, nous sommes en pleine revolution!» [«Ну вот мсье Пети, у нас целая революция!»].

Затем пришел Ив. Разумник, обезноженный, истомленный, и еще простуженный.

2 Марта 1917 г.

Часа в 3 пришел Руманов из Думы. Обезноженный: автомобиль отняли. «Верст по 18 в день делаю». Оптимистичен, но не заражает.

28 февраля 1917 г.

На крыше нашего дома стал стрелять правительственный пулемет. Улица опустела. Затем пришла вооруженная толпа. Часть ее поднялась наверх, по лестнице.

В три часа пришли Антон с Татьяной и Натальей. Говорят, что шлялись около Думы. Антон собственными глазами видел, как в автомобиле везли арестованного Питирима в Думу.

1 марта 1917 г.

Телефон от Petit. Были в Думе. Говорят — полный хаос. Родзянко сказал: «Voilà m-г Petit, nous sommes en pleine revolution!» [«Ну вот мсье Пети, у нас целая революция!»].

В 11 ч. пришел Иванов Разумник.

2 марта 1917 г.

Руманов еле ходит. Волдыри на ногах. Верст 18 в день делаю!

10 Марта 1917 г.

Сытин потряслся и боялся, тем более, что от хитрости способен самого себя перехитрить.

22 Марта 1917 г.

Сегодня был А. Блок. С фронта приехал (он там в Земсоюзе, что-ли). Говорит, там тускло. Радости революционной не ощущается. Будни войны невыносимы. (В начале-то на войну, как на «праздник» смотрел, прямо ужасал меня: «весело!» Абсолютно ни в чем он никогда не отдает себе отчета, не может. Хочет ли?) Сейчас растерян. Спрашивает беспомощно: «что же мне теперь делать, чтобы послужить демократии?»

Из вышеприведенных примеров видим, что З. Гиппиус дополняет не только факты, но эстетически оформляет, обрисовывает, обобщает их:

26 Февраля 1917 г.

У лавок стоят молчаливые хвосты. Морозно и светло. На ближайших улицах как будто даже тихо. Но Невский оцеплен. Появились «старые» казаки и стали с нагайками скакать вдоль тротуаров, хлеща женщин и студентов.

10 марта 1917 г.

Был Сытин. Был Гессен.

22 марта 1917 г.

Приехал сегодня с фронта Блок. Там, около Пинска тускло. Радость революции не ощущается, будни войны стали невыносимыми.

26 февраля 1917 г.

[Д.Философов обходит молчанием трагический факт разгона толпы демонстрантов на Невском проспекте]

В дневнике Гиппиус встречаются обобщенные оценки, символика. Описание ряда ситуаций перерастает у З. Гиппиус в *живописно-картинный жанр*. Появляется красочная палитра, символика иногда на уровне театрального спектакля:

25 Февраля 1917 г.

Карташов упорно стоит на том, что это «балет» — и студенты, и красные флаги, и военные *грузовики*, медленнодвигающиеся по Невскому за толпой (нет проезда), в старинном положении конвоирующих эти красные флаги. *Если балет ... какой горький, зловещий балет! Или ...*

25 Февраля 1917 г.

Звонил Антон. Вернулся домой из библиотеки. На Невском заправская манифестация. Красные знамена. Единение студентов с рабочими. Когда идут войска — кричат — ура! Военные автомобили, не то случайно, не то нарочно, застряли в толпе и тихо следовали за знаменами.

В тексте дневника З. Гиппиус возникает то, что мы условно называем диалогизацией текста. Она часто не соглашается с оценками Д. Философова. Иногда его мнение берет в кавычки; вводит риторические вопросы, в том числе и к себе. Способы ведения диалогизации текста различны: иногда З. Гиппиус как бы помечает, маркирует текст и пишет «я вставляю».

В других случаях Гиппиус создает достаточно тонкими средствами текстовое противостояние, например: «Д. В. резюмирует», что встречается в основном в тех случаях, когда она вступает в спор с Философовым.

26 Февраля 1917 г.

Все школы, гимназии, курсы — закрыты. Сияют одни театры и ... костры расположившихся на улицах бивуаком войск. Закрыты и сады, где мирно гуляли дети: Летний и наш, Таврический. Из окон на Невском стреляют (*кто? полиция? рабочие?*) на площадях стреляют, а публика спешит в театр. Студент живот свой положил «ради искусства»...

26 февраля 1917 г.

Кульчицкий распустил учебные заведения до среды.

1 Марта 1917 г.

Родзянко и Гучков отправились утром на Никол. вокзал, чтобы ехать к царю (за отречением? или как? и посланные кем?), но рабочие не дали им вагонов.

3 Марта 1917 г.

Этопословам Батюшкова. Д. В. резюмирует: «Итак, нашу судьбу станет решать Ленин».

1 марта 1917 г.

Родзянко с Гучковым отправились утром на Николаевский вокзал, чтобы ехать к царю, но рабочие не дали им вагонов.

3 марта 1917 г.

Итак, нашу судьбу будет решать Ленин.

Сам способ художественно-литературного развертывания исторических событий и характеристики персонажей — это тоже вариант диалогизирования, когда детали дополняют картинку, или подправляют, или изменяют ее.

Таким образом, сопоставление дневников З. Гиппиус и Д. Filosofova приводит к наблюдению над процессом становления текста как документально-художественного, а также позволяет сделать выводы о принципиальном отличии дневников Гиппиус за счет творческого, подчас художнического анализа, которому она подвергает факты истории. Также, как и правка рукописи рукой автора, так и превращение «чужого» текста в «собственный» позволяет увидеть сам процесс творческой лаборатории писательницы.

Примечания

- ¹ Filosofov Д. В. Воскресшая Россия // Речь. 1917. 23 марта.
- ² Filosofov Д. В. Указ. соч. // Золотые сны. 1917. 1 апреля.
- ³ Первоначально «Синюю книгу» Петербургских дневников писательница называла «Современная запись» — хронологически к нему относятся годы Первой мировой войны и революции 1917 г. Именно эта часть всех ее Петербургских дневников долгое время считалась погибшей.
- ⁴ ОР РНБ. Ф. 481. (Мережковские). Д. 3.
- ⁵ Там же. Д. 1.
- ⁶ ОР РНБ. Ф. 814. (Филозофов). Д. 2.
- ⁷ ОР РНБ. Ф. 481. (Мережковские). Д. 3.
- ⁸ Здесь и далее выделенное в приводимых примерах курсивом — выделено автором (З. Н. Гиппиус) в тексте рукописи, подчеркивание текста выделено мной. — А. Н.